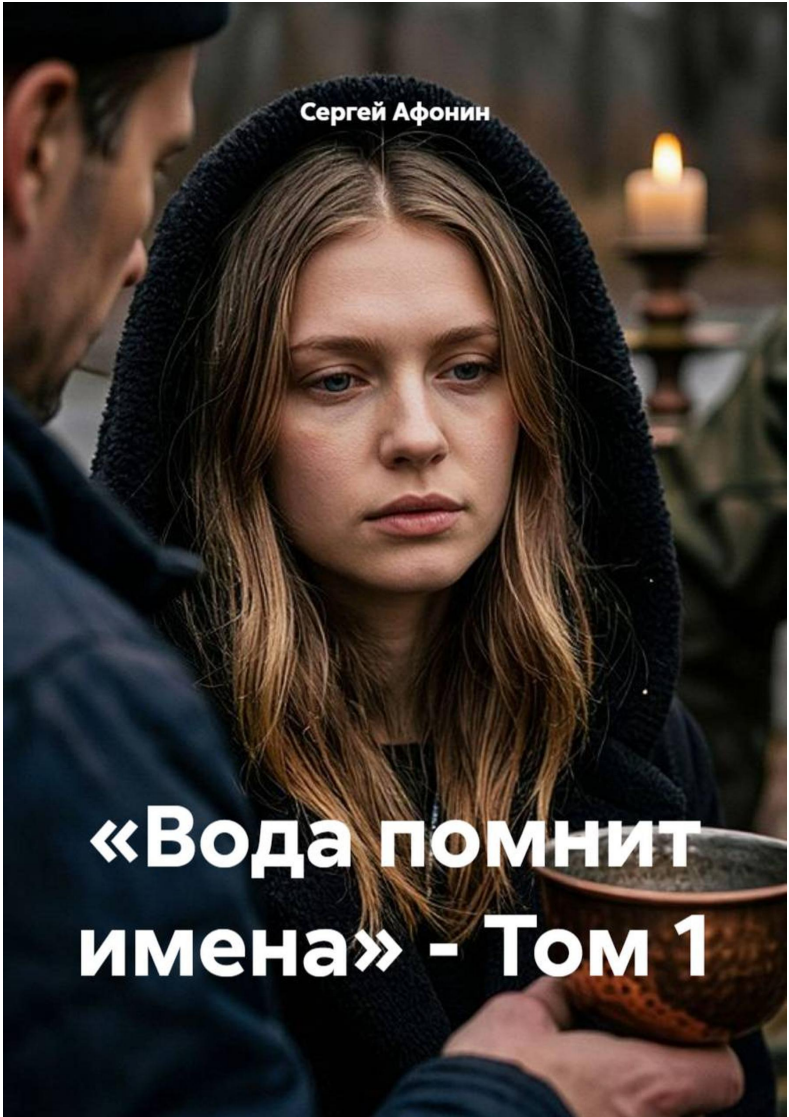

Сергей Афонин
«Вода помнит имена» - Том 1

# Сергей Афонин
# «Вода помнит имена» - Том 1

*https://litres.ru/74861704*
*SelfPub; 2026*

## Аннотация

Когда Ксения Шуева вытаскивает мальчика из промоины на Оке, река впервые произносит её фамилию.

С этого дня вода отвечает ей — но за каждую просьбу выставляет счёт, забирая воспоминания.

Медная чаша из семейного дома и старый человек, десятилетиями слушающий мостовую, открывают Ксении тайну: под городом спит древняя сила, а строительство нового моста тревожит её сон.

Чтобы спасти людей на ночной стройке, Ксении придётся решить, какую часть собственной жизни она готова отдать реке.

Но у глубины есть и другие наследники — и не все хотят её успокоить.

# Содержание

Глава 1 4
Конец ознакомительного фрагмента. 14

# Сергей Афонин «Вода помнит имена» - Том 1

## Глава 1

***Вода помнит имена.***

Промоина

Февраль над Окой стоял серый, как немытая сталь, и лёд на Стрелке гудел — низко, вполуха, будто река ворочалась во сне и скрипела ложем.

Ксения Шуева услышала этот гул ещё с водной станции, через два километра ветра. Она сказала об этом напарнику, Лёхе, и тот пожал плечами:

— Сваи бьют. На мосту вон, видишь, копёр стоит с понедельника. Третий год обещают к олимпиаде какой-нибудь, ага.

Сваи. Ксения посмотрела на стройку нового моста — жёлтый копёр над понтонами, буравчик, ругающиеся люди в оранжевом. Сваи били в ложе реки с самого понедельника, и с понедельника же река была неспокойной: утренние льдины у Стрелки шли против течения, мелко, упрямо, как люди, которые забыли, зачем вышли из дома.

— Не в ритм, — сказала Ксения.

— Что?

— Сваи бьют не в ритм гулу. Гул раньше удара приходит.

Лёха открыл рот, чтобы сказать что-то про пересменок, и тут радиостанция на столе ожила — с треском, с чужим перекошенным голосом:

— Всем постам. Стрелка, набережная, у самой кромки. Провалился ребёнок. Промоина, метра четыре на четыре. Кто ближе?

Они были ближе.

---

Люди на льду стояли полукругом и не подходили. Ксения знала этот полукруг: все смотрят, никто не лезет, потому что лёд у промоины ломкий, и правильно, что не лезут, — но от этого полукруга всегда пахло виной.

Мальчика она увидела сразу. Восемь лет, девять — в чёрной воде белое лицо и варежка, одна, вторая уже уплыла. Он не кричал. Тонущие почти никогда не кричат — вода забирает голос первой, это Ксения знала лучше многих: четыре года матросом на буксире, три года на станции, двадцать один человек, вытащенный живым, и четверо — которых она не считала вслух никогда.

— Страховку! — Лёха уже тянул к ней конец.

— Некогда. Он под кромку уходит.

Она сказала это спокойно, потому что в ЧП Ксения Шуева всегда становилась спокойнее, а не горячее, — и легла на лёд

грудью, распласталась, поползла. Лёд под ней гудел. Гудел в ладони, в локти, в скулы. Гул был раньше ударов копра, и он был — она услышала это краем мозга, занятого другим, — он был как голос, который собирается сказать слово и пока только набирает воздух.

— Мальчик! — крикнула она. — Смотри на меня. Смотри на меня, говорю!

Он посмотрел. Глаза уже стекленели.

Она нырнула без страховки, потому что страховка — это тридцать секунд, а у него было десять.

---

Под водой было не темно. Под водой было чёрно, и это разные вещи.

Холод ударил её не как холод, а как обвинение — сразу во все тело, в зубы, в нёбо. Февральская Ока брала тепло не по капле, а пригоршнями. Ксения выдохнула половину воздуха — правило, которому её учили ещё на буксире, — и пошла вниз и вбок, туда, куда течение под льдом должно было снести ребёнка.

Она нашла его по варежке. Оставшейся. Она ухватила капюшон, рукав, потом запястье — маленькое, уже вялое, — и потянула к промоине, к светлому пятну наверху, которое было дальше, чем она рассчитала.

Течение тянуло вниз.

Это было неправильно. Течение у промоины всегда норовило утащить под кромку, вдоль, но не вниз — а здесь река

тянула именно вниз, ровно и терпеливо, как тянут рукав человека, который хочет что-то показать.

«Отпусти», — сказала Ксения беззвучно, потому что говорила с рекой вслух, когда была одна, — привычка, дурная, буксирная, — и река ответила.

Голос пришёл не в уши. Он пришёл в кости, в старые шрамы на предплечьях, в воду, которая вдруг перестала быть чёрной и стала — говорящей.

«Шуева», — сказала река.

Голос был собран из стука льда и плеска и чего-то ещё, чего Ксения не знала, — и он был женский, и он был её бабкин, и одновременно — не бабкин, а старше, глубже, и в нём было столько слоёв, что они не помещались в голове.

«Шуева. Шуева. Шуева».

Она поняла — потом, уже на берегу, — что это была одна фамилия, сказанная много раз подряд разными голосами: от какой-то прабабки, которой она не знала, через бабку, которую помнила мокрой после мытья полов, к ней самой. Линия. Вся линия, как бусины, которые река перебирала по одной.

Страха не было. Должен был быть — она отметила это профессионально, как отмечала всё под водой, — а не было. Было ощущение, что её узнали. Что она пришла домой в дом, которого не помнила, и дверь открылась раньше, чем она постучала.

А потом река сказала ещё одно слово — и этого слова она

потом не могла вспомнить ни в какой тетради, хотя записывала всё, — и течение повернуло.

Оно подхватило её и мальчика, развернуло, как переворачивают страницу, и вынесло к светлому пятну промоины — не дало выбраться, именно вынесло, бережно и сильно, как вынесло бы своё.

Ксения вытолкнула мальчика на лёд. Лёха и ещё двое подхватили его, потащили, и тогда Ксения ухватилась за кромку сама — и кромка не обломилась. Лёд у промоины не держит никого. Он держал её.

Она выбралась, легла на лёд рядом с промоиной, смотрела в серое небо и дышала так, будто впервые в жизни училась.

— Ксень. — Лёха над ней был белый, как это небо. — Ксень, ты там четыре минуты была. Я конец отпустил, я думал — всё.

— Живой? — спросила она.

— Мальчик-то? Дышит. Откачиваем. — Лёха сглотнул. — Ксень. Там течение такое, что тебя должно было под Стрелку утащить. Там никто не выбирается, ты сама мне это втолковывала полгода.

— Значит, считали неправильно, — сказала Ксения и подумала: шуева-шуева-шуева, — и у неё наконец появился страх, отложенный, как всё у неё было отложенное: он придёт позже, она знала, как это бывает.

Мальчика увезли. Её отчитали, записали в журнал, наорали — начальник смены ругался, что без страховки, — и к

вечеру всё стало почти обычно: рапорт, чай из чашки с отбитой ручкой, которая была единственной «рабочей посудой», которую она признавала.

Только вода в чашке не стояла ровно.

Ксения заметила это, когда осталась одна в бытовке. Вода в чашке — обычная, из кулера, кипячёная дважды, — шла мелкими кругами, будто кто-то дул на неё снизу. Ксения подула сама — круги не совпали с её дуновением. Она поставила чашку на стол и посмотрела на неё долго, как смотрят на прибор, который показывает невозможное.

— Так, — сказала она вслух. — Это я ещё не расследовала.

Дома, в Канавине, над протоками, отец уже спал перед телевизором. Ксения прошла на кухню, открыла кран — и замерла.

Вода шла из крана тонкой струёй, и на последних сантиметрах перед раковиной струя заворачивалась к ней. Не вниз. К ней. На два пальца в сторону, против всего, чему её учила физика за восемь классов и четыре года буксира.

Она закрыла кран. Открыла. Завернулась снова.

Ксения стояла над раковиной, мокрая ещё от Оки, пахнущая февралём, и слушала, как где-то далеко, за окном, за протоками, за льдом, гудит река — раньше ударов копра, ниже слуха, — и пробует её имя на вкус, как пробуют слово, которое сто лет не произносили вслух.

Ночью ей снилась чёрная вода и голос, перебирающий фа-

милии. Под утро она проснулась от того, что вода в стакане у кровати — она всегда ставила стакан — дрожала мелкой рябью, хотя в доме ничего не ходило и не стучало.

— Я не сошла с ума, — сказала Ксения комнате. Комната не ответила. Река — та за окном — отозвалась далёким, терпеливым гулом, и в этом гуле было ожидание, как у человека, который уже написал письмо и теперь ждёт ответа.

Она не знала ещё, что письмо уже доставлено. И что за доставку — как за всё на свете — выставят счёт.

---

Утром следующего дня она пошла на Стрелку пешком, до смены, в мороз, который жёг щёки.

Промоину она нашла сразу — по цепочке следов и втоптанному вчерашнему снегу. Только промоины не было. На её месте лежал ровный молодой лёд, гладкий, толщиной — она присела, постучала костяшками, как делал когда-то дед, — толщиной с хорошую ладонь.

Так лёд не зарастает. За ночь, в феврале, над течением — не зарастает.

Ксения стояла над вчерашней чёрной водой, закрытой ровной коркой, как рана, которую кто-то аккуратно зашил, и у неё было два объяснения: ноль и ноль. Она была спасателем; она знала реку как рабочее место, и река вчера нарушила все свои правила, чтобы её выпустить.

— Спасибо, — сказала она льду негромко, потому что была воспитана бабкой, которая говорила «спасибо» печке и

«здравствуй» дому, и только потом сообразила, что это — первое слово, которое она сказала реке, зная, что река слышит.

Лёд отозвался. Не гулом — тонким, почти неслышным звоном, который поднялся снизу, сквозь воду, сквозь лёд, и встал у неё в подошвах, как встаёт тепло от плиты.

Ксения ушла быстро и не оглядывалась. Оглядываться — это уже участвовать.

---

К вечеру приехала мать мальчика. Она пришла на станцию с сумкой, в которой были мандарины и коробка конфет, и долго не могла начать говорить, а Ксения не умела — никогда не умела — быть на таких разговорах благодарностью.

— Врачи сказали, ещё минута, — сказала женщина. — Он говорит, тётя под водой его за руку держала, а вода её отпустила. Он так и говорит: «вода её отпустила». Это он бредит, да?

— Он глотнул, у него кислорода не было, — сказала Ксения. — Дышите вы дома паром, мандарины ему можно.

— А вы верите, что река… — женщина запнулась, потому что сама не знала, что хочет спросить.

— Я верю, что ваша Настёна варежку ему вторую свяжет, — сказала Ксения. — Одна у него осталась. Утонула.

Женщина ушла, а Лёха, который молчал весь разговор, сказал ей в спину аккуратно:

— Варежку. Он, когда очнулся, первое слово — «варежку

отдайте тёте». Ты откуда знаешь, что она утонула? Ты ж под водой была в темноте.

— Почувствовала, — сказала Ксения, и это была чистая правда, и от этой правды у неё внутри стало холодно по-новому, не по-февральски.

---

Вечером отец ждал её с супом. Отец — Андрей Шуев, слесарь мостового хозяйства, шестьдесят один год, пьющий ровно столько, чтобы оставаться добрым, — поставил перед ней тарелку и сел напротив.

— По телевизору показали, — сказал он. — «Спасательница, рискуя жизнью». Я подумал: ну конечно, моя.

— Пап.

— Я не ругаюсь. — Он повертел ложку. — Ты вчера подо льдом что-нибудь… слышала?

Вопрос был странный, и задали его странным голосом — тем, которым отец говорил раз в пять лет. Ксения подняла глаза.

— А что я должна была слышать?

— Я не знаю, что ты должна была. — Отец смотрел в тарелку. — Твоя бабка, когда пила — а она пила два раза в жизни, на свадьбе и когда дед умер, — говорила: Шуевы из Оки всегда выходят. Все, кто тонул, — выходили. Я думал, бахвалится. — Он помолчал. — Она же, когда ты маленькая была, тебе чашу нашу не давала мыть. Помнишь? Медную, из серванта. «Эту чашу не мой». Ты её один раз помыла —

у тебя три ночи вода снилась, ты мне сама рассказывала.

— Пап. Это просто чаша.

— Просто чашу моют, — согласился отец. — А эту — три поколения не мыли, и я тебе сейчас скажу страшную вещь: я не знаю почему. Мне мать не объяснила, ей — её мать. Просто — не мой, и всё. Стоит себе под компотницей.

Ксения посмотрела через стену — туда, где в зале стоял сервант, тёмный, лакированный, с компотницей и хрусталём, которым никогда не пользовались.

— Я завтра её достану, — сказала она.

— Зачем?

— Посмотреть.

Отец хотел сказать что-то ещё и не сказал. За окном, за протоками, гудела река — Ксения теперь различала этот гул всегда, как различают храп в соседней комнате, — и ей вдруг стало ясно, что гул этот стал громче с вчерашнего вечера. Не потому, что река приблизилась.

Потому, что она теперь умела его слушать.

Спала она плохо. Ей снился счёт — обычный, квитанция, как за свет, — только в графе «оплачено» стояла её фамилия, а графа «сумма» была пустой и тянулась вниз, за край бумаги, в чёрную воду.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.